

Более сорока лет сибирский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1884(?) – 1964) провел в эмиграции, большую часть из которых прожил в США, в совершенстве знал английский язык, читал на нем лекции, писал прозу и стихи, но так и не забыл родной Сибири, упорно работая над завершением романа-эпопеи «Чураевы», посвященного старообрядческой семье.

Возвращению из эмиграции на родину творчества сибирского писателя-классика Георгия Гребенщикова в советское время способствовала подвижническая деятельность новосибирского критика Николая Яновского, фактически вернувшего из небытия книги целого ряда несправедливо забытых литераторов начала XX века. Н. Яновский собирал произведения Г.Д. Гребенщикова, А.Е. Новоселова, других писателей из плеяды младших областников и принял активнее участие в подготовке книг из серии «Литературные памятники Сибири». Н. Яновский был одним из первых советских исследователей, кто начал писать о Гребенщикове еще при его жизни. Он переписывался с младшим братом писателя, в начале 60-х годов разыскал адрес семьи Гребенщиконовых в США, наладил переписку с Татьяной Денисовной Гребенщикоковой (женой писателя) и получил ряд ценных сведений о его жизни и творчестве.

В начале XX века Г. Гребенщиков считался одним из самых

талантливых сибирских писателей, он активно публиковался в газетах Сибири и Алтая. При поддержке Русского географического общества он совершил несколько экспедиций в отдаленные районы Алтая, а затем с лекциями о старообрядцах, о сибирских песнях побывал во многих городах России. На сценах сибирских городов с успехом шла его пьеса «Сын народа». Содержание этой пьесы в 1909 году Гребенщиков пересказал Льву Толстому и, получив его одобрение, решил посвятить себя литературе. В письме к Алексею Белослюдову от 27 декабря 1911 года он делится замыслом написать роман о «крестьянах-сектантах» Алтая. Раскрывая идею этого произведения, он объясняет: «Мне вовсе неинтересно сектанство как таковое, но мне интересны люди в нем, люди вообще, не одни сектанты, но люди - народ, русский народ». Мысли о крупном художественном произведении, посвященном старообрядчеству, у Г.Д. Гребенщикова появились после поездок по Сибири 1909-1911 годов, они высказаны в переписке с А.Н. Белослюдовым, П.А. Казанским и Г.Н. Потаниным.

Собирать материал, находить интересные человеческие типы способствовала и журналистская деятельность. В письме к А. Белослюдову он просил: «...Записывай для меня вкратце оригинальные события из столкновений русских с киргизами. Мне надо для ново-

стей. Также присылай сюжеты из действительной жизни».

В 1911 году он завершает работу над одной из своих лучших повестей «Ханство Батырбека» о жизни небольшого аула начала XX века. Ранние произведения Г. Д. Гребенщикова, посвященные инородцам, были написаны с областнических позиций и направлены против колониальной политики царизма. Повести и рассказы «Болекей-ульген», «На Иртыше», «В тиши степей», «Любава» и др. правдиво изображали реальные процессы, происходившие в полиэтнической среде Сибири начала века. По мнению новосибирской исследовательницы Л. Якимовой, значение произведений о казахском народе далеко не ограничивается социальным аспектом. Гребенщиков решает конфликты Степи в общечеловеческом масштабе. Меняется само время, умирает патриархальная культура аулов, старообрядческих деревень, крушатся привычные образы, но симпатии автора на стороне подлинных ценностей.

Опасение быстрого наступления на кочевой уклад, неизбежность его крушения Г. Д. Гребенщиков высказал в предисловии к поэме Г. Зелинского «Киргиз»: «Пройдет еще немного лет, и полная поэзии кочевая жизнь превратится в скучную прозу безропотной ноши мужицкого ярма, под тяжестью которого уже не воскреснут смелые взмахи минувшей удали, и умрут последние воспоминания о былых красотах степного простора». Как правильно отмечал Ш.Р. Елеукенов, введение в художественное повествование «степных узоров», расцветивание яркими красками прошлого сформировало своеобразие поэтики писателя.

Творчество Г.Д. Гребенщикова и прежде всего те произведения, в которых поднимаются евразийские проблемы, высоко оценены казахстанскими учеными. По мнению Ш.Р. Елеукенова, творчество Г.Д. Гребенщикова завершает «художественное исследование казахской дореволюционной действительности, начатое такими величинами, как Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, В.И. Даль, Т.Г. Шевченко, Д.М. Мамин-Сибиряк, М.М. Пришвин и др». Отрывки из повести «Ханство Батырбека» включены в казахстанский учебник по литературе для 8 класса (авторы - составители З. И. Боранбаева, Р.С. Сверчкова). В данное время в Казахстане готовится к изданию учебник для 11 класса, в который будет включен рассказ Гребенщикова «Степные вороны».

В России центр изучения наследия Гребенщикова находится в Сибири. Красноярск, Томск, Новосибирск, Барнаул, Бийск – города, в которых наиболее активно исследуется его творчество, однако до сих пор он остается писателем, известным в России только специалистам, произведения Гребенщикова издаются очень скромными тиражами, в учебники литературы его произведения не введены.

В Лейклендском колледже (Florida Southern College, Lakeland Florida), где с 1940 по 1955 год Г.Д. Гребенщиков преподавал литературу, историю и спецкурс по литературному творчеству (Creative Writing Workshop), до сих пор гордятся, что у них работал известный писатель. В очерке «Толкай телегу к звездам» Гребенщиков подробно рассказал о преподавании в Южном колледже, о своих первых шагах и о том бесценном опыте, который он приобрел за

годы работы. Особый интерес вызывал его спецкурс по литературному мастерству. Научить студентов творчеству может только бесспорно талантливый и креативный преподаватель. Какова была методика ведения занятий? Какие задания выполняли студенты? Неожиданно ответы на эти вопросы были получены из ... Японии от востоковеда, секретаря Ассоциации Библиофилов (1993-1995) Василия Элинарховича Молодякова (доктора политических наук, профессора Университета Такусёку). В его личной коллекции оказался сборник студенческих работ класса литературного мастерства, который Гребенщикова вел в 1941/42 учебном году. Публикацию из десяти небольших студенческих работ предваряло предисловие, написанное Гребенщиковым.

В Америке поселок Чураевка, созданный Гребенщиковым, внесен в Национальный реестр исторических памятников. На средства федеральной службы охраны исторических объектов были отреставрированы иконостас, часовня, заново позолочен ее купол, но здания этого поселка ветшают и распродаются. А ведь именно в этом поселке недалеко от Нью-Йорка реализовались основные культурные проекты Г.Д. Гребенщикова, объединившие интеллектуальную элиту русской эмиграции. В Чураевке бывали Игорь Сикорский, Михаил Чехов, Сергей Рахманинов, Михаил Фокин, Надежда Плевицкая, с легкой руки которой поселение называли Чураевкой. В часовне Сергия Радонежского, построенной Гребенщиковым по проекту Николая Рериха, была икона кисти Великой Княжны Ольги.

В чураевском издательстве «Алатас» вышли в свет книги Н.К.

Рериха «Пути Благословения», «Знамена Востока», «Гонец достигающий», «Перед ликом Гималаев», Ю.Н. Рериха «Буддийские легенды», К. Бальмонта «Голубая подкова» (Стихи о Сибири) и «Линия лада», А. Ремизова «Звенигород окликанный» (Николины притчи) и «Клятвенный камень» (Земные страды. Книга сказаний), сборник стихотворений И.Умнова «Незримый гость» и другие. Здесь же издавались, хранились и продавались через представительства «Алатаса» в Риге, Харбине и Париже книги Г.Д. Гребенщикова: все тома эпопеи «Чураевы» по 1 доллару 25 центов, а роскошные именные экземпляры по 3 доллара, «Былина о Микуле Буяновиче» по 1 доллару 75 центов, «Гонец. Письма с Помпеярага» - по 1 доллару, «В просторах Сибири» - по 1 доллару 25 центов, «Родник в пустыне» - по 1 доллару 25 центов, «Путь человеческий» - по 50 центов, «Волчья сказка» - по 15 центов, «В некотором царстве» - по 25 центов, «Степные вороны» - по 15 центов... Эти издания давно стали библиографической редкостью, сейчас в букинистических магазинах России книги Гребенщикова стоят от 2 до 7,5 тысячи рублей.

Но самое удивительное «собрание сочинений» Гребенщикова сделал когда-то редактор новосибирской газеты «Обь» Аргунов. Он вырезал самые первые рассказы начинающего литератора Гребенщикова из сибирских газет и приклеивал в ученическую тетрадку. Об этом вспоминал в эмиграции Илья Савченко. В 1919 году в очерке, посвященном Гребенщикову, Савченко вспоминал, что впервые об этом писателе он услышал от О.А. Аргунова, «человека российского, но сжившегося

уже с Сибирью и полюбившего этот край «гордого молчания». В 1908 году Илья Савченко работал в газете «Обь» и очень ценил преданность Аргунова газетному делу, который и не без основания считал, что он делает большое, нужное, сибирское дело. В газете «Обь» редакционный кабинет стал оживленным клубом, где не смолкали споры о сибирском областничестве, политике, искусстве, литературе. Душою редакции был старик Аргунов – всегда острый, горящий, беспокойный. Аргунов был горячим областником. Спустя десять лет Илья Савченко признается: «самым упорным противником его был, пожалуй, я: не чувствовал я «особой стати» сибирской и не мог поэтому понять, почему ей нужны «свои» особые пути развития. Вся ее особенность, казалось мне, это разве то, что Сибирь – беспредельная и бескрайняя глушь...

Как-то в пылу спора старик Аргунов, усиленно пыхтя трубкой, сказал мне:

– Вы вот о Сибири толкуете, а Сибирь-то вы знаете, позвольте вас спросить? Гребенщикова вы читали?

Я читал кое-что Потанина, Ядринцева, Адрианова. Но имя Гребенщикова услышал впервые.

– Вот то-то и оно! Почитайте, поглядите на Сибирь у Гребенщикова...

Через несколько дней Аргунов дал мне школьную тетрадку в синей обложке с тщательно вырезанными из газет и наклеенными на страницы колонками рассказов Георгия Гребенщикова. Их было немного – шесть или семь. Все это были маленькие рассказы из жизни сибиряков, напечатанные в различных сибирских газетах.

– Вот почитайте, если в Сибирь хотите всмотреться. Повидать Сибирь своими глазами не каждому-то ведь дано.

Прочитав эти любовно собранные стариком небольшие рассказы Гребенщикова, я прочно полюбил и Гребенщикова, и его чарующе-строгую, молитвенно-великую, бескрайнюю Отверженную Русь – Сибирь. Из этих рассказов глянула на меня воистину своя, особая душа края. Глянула и заполонила. Гребенщикова приобщил меня к Сибири, сделал сибиряком. Да, сибиряком, ибо не паспорт ведь только дает право на родину, а еще и психически-душевная тяга к ней. Можно родиться в Сибири и быть ей чужим, и можно родиться где-нибудь в Киеве или Пензе и отдать Сибири свое сердце и влюбленную душу... Гребенщикова это и сделал со мною».

Прозорливость Аргунова удивительна, он сумел рассмотреть в первых литературных опытах Гребенщикова не только верного сына Сибири, но и будущего классика, которому суждено было воплотить мечту Н. Ядринцева и Г. Потанина о панорамном сибирском романе. В очерке, посвященном Ново-Николаевску, Гребенщикова упоминает о встрече с редактором прогрессивной газеты, а Новосибирск 1911 года сравнивает с Чикаго. Почему? Что их объединяет? Стремительный рост и бурное развитие транспорта, который сделал Чикаго третьим городом США? Что представлял собой этот американский город в начале XX века? Посмотрим на портрет Чикаго в романе Теодора Драйзера «Титан». Это город, «наспех построенный на болотистой равнине, был испещрен железнодорожными путями, на которых стояли разноцветные

вагоны, пригнанные из всех концов страны с наскоро сооруженными и нештукатуренными, но уже покрытыми слоями копоти и пыли домами. Прямые немощённые улицы, на которых кипела и бурлила жизнь, даже воздух был насыщен энергией тысяч приезжих из разных городов людей, странных, упорных, терпеливых, которые жаждали чего-то. Сюда, как на пир, стекались самые дерзновенные мечты и самые низменные вожелания века. Этот город был подобен ревущему пламени, город – символ Америки, город-поэт в штанах из оленьей кожи, суровый, неотесанный титан».

Действительно на первый взгляд похоже на Ново-Николаевск начала XX века, который тоже рос стремительно. В 1893 году в поселке Кривошековском проживало всего 740 жителей, а всего через 4 года в 1897 году – 7,8 тысячи человек, в 1926 году – 120, 1 тыс. человек. Сам Ново-Николаевск превратился в без-

уездный город Томской губернии, крупный транспортно-торговый центр Западной Сибири. Небывалый темп роста Ново-Николаевска позволял местным жителям называть его городом «американского типа», о чем с гордостью сообщал первый книжный издатель города Н.П. Литвинов в альбоме «Виды Ново-Николаевска». Но для Гребенщикова в 1911 году это показалось только рекламным трюком. Он называет Ново-Николаевск сибирским Чикаго скорее иронически.

Гребенщикову удавалось почувствовать пульс городов и стран, в которых он жил. Он любил Америку – страну, которая строится и движется вперед. Он не переставал любить Россию, читал лекции о ней в Европе и Америке, собирая залы до 1000 человек. Он всегда верил в будущее России, которая преодолет эпоху безверия и сможет возродиться, несмотря на все потрясения, войны и революции.

